

СТИХИ О КРЫМЕ
(сборник для воспитателей)

Александр Пушкин
**ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО
ДВОРЦА**

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.
Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадней!
Журчи, журчи свою мне быль...
Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...
Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?
Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Александр Пушкин

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел край прелестный
Где я любил, изгнанник неизвестный?

Златой предел! Любимый край Эльвины,
К тебе летят желанья мои!
Я помню скал прибрежные стремнины,
Я помню вод веселые струи,
И тень, и шум — и красные долины,
Где в тишине простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной,

Все живо там, все там очей отрада,
Сады татар, селенья, города;
Отражена волнами скал громада,
В морской дали теряются суда,
Янтарь висит на лозах винограда;
В лугах шумят бродящие стада.
И зрит пловец — могила Митридата
Озарена сиянием заката.

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волненье жизни бурной?

Александр Пушкин
ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сел узор
Разостлан был передо мною.
А там меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груди скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирившись вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

В. Г. Бенедиктов
ПЕЩЕРЫ КИЗИЛ-КОБА
Где я? Брожу во мгле сырой,
Тяжелый свод над головой, —
Я посреди подземных сфер
В бездонной области пещер.
Но вот — лампы зажжены.
Пространства вдруг озарены:
Прекрасен ты, подземный дом!
Лежат сокровища кругом:
Весь в перлах влаги сталактит
Холодной накипью блестит, —
Там в тяжких массах вывел он
Ряд фантастических колонн;
Здесь облачный накинул свод;
Тут пыльным пологом идет
И, забран в складках, надо мной
Висит кистями с бахромой
И манит путника прилечь,
Заботы жизни сбросить с плеч,
Волненья грустные забыть,

Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?

П. А. Вяземский

Слуху милые названья,
Зренью милые места!
Светлой цепью обаянья
К вам прикована мечта.

Вот Ливадия, Массандра!
Благозвучные слова!
С древних берегов Меандра
Их навеяла молва.

Гаспра тихая! Красиво
Расцветающий Мисхор!
Ореанда, горделиво
Поражающая взор!

Живописного узора
Светлый, свежий лоскуток —
Кореиз, звездой Босфора
Озаренный уголок!

Солнце, тень, благоуханье,
Гор Таврических краса,
В немерцающем сиянье
Голубые небеса!

Моря блеск, и тишь, и трепет!
И средь тьмы и тишины
Вдоль побережья плач и лепет
Ночью плещущей волны!

Поэтической Эллады
Отголоски и залог
Мира, отдыха, услады,
Пристань, чуждая тревог.

Алексей Фет

**СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ БРАТСКОЕ
КЛАДБИЩЕ**

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь отчизна
Священный прах своих сынов.

Они и под землей отвагой прежней
дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат.

Счастливицы! Вышею пылали вы
любовью:
Тут, что ни мавзолеей, ни надпись, — все
боец,

На камень голову склонить,
На камень сердце опереть
И, с ним слиясь, — окаменеть.

Леся Українка

ТИША МОРСЬКА

В час гарячий полудневий
Виглядаю у віконце;
Ясне небо, ясне море,
Ясні хмарки, ясне сонце.

Певно, це країна світла
Та злотистої блакиті,
Певно, тут не чули зроду,
Що бува негода в світі!

Тиша в морі ... ледве-ледве
Колихає море хвилі;
Не колишуться од вітру
На човнах вітрила білі.

З тихим плескотом на берег
Рине хвилечка перлиста;
Править хтось малим човенцем,
В'ється стежечка злотиста.

Править хтось малим човенцем,
Стиха весла підіймає,
І здається, що з весельця
Щире золото спадає.

Як би я тепер хотіла
У мале човенце сісти
І далеко на схід сонця
Золотим шляхом поплисти!

Попливла б я на схід сонця,
А від сходу до заходу,
Тим шляхом, що проложило
Ясне сонце через воду.

Леся Українка

БАХЧИСАРАЙ

Как зачарованный стоит Бахчисарай.
Сияет месяц золотистым светом,
Белеют стены в дивном блеске этом.
Уснул весь город, как волшебный край.

Серебряным деревьям, минаретам,
Как часовым доверен сонный рай:
Среди кустов таинственным приветом
Плеснет фонтан во мраке невзначай.

Природа дышит сладостным покоем.
Над сонной тишью легкокрылым роем
Витают древние мечты и сны.

И тополя, вершинами кивая,
Неторопливо шепчут, вспоминая
Седые были давней старины...

И рядом улеглись, своей залиты кровью,
И дед со внуком и отец.

Из каменных гробов их голос вечно
слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так
возвышен,
Что им завидовать грешно...

В. Я. Брюсов

Где подступает к морю сад,
Я знаю грот уединенный:
Там шепчет дремлющий каскад,
Там пруд недвижим полусонный.

Там дышат лавры и миндаль
При набежавшем тихом ветре,
А сзади, закрывая даль,
Уходит в небо пик Ай-Петри.

Н. А. Бунин

В КРЫМСКИХ СТЕПЯХ

Синеет снеговой простор,
Померкла степь, белее снега!
Мерцает девственная Вега
Над дальним станом крымских гор.

Уж сумрак пал, как пепел сизый,
Как дым угасшего костра:
Лишь светится багряной ризой
Престол аллы — Шатер-Гора.

И. А. Бунин

Зеленый цвет морской волны
Сквозит в стеклянном небосклоне,
Алмаз предутренней звезды
Блестит в его прозрачном лоне.

И как ребёнок после сна,
Дрожит звезда в огне денницы,
А ветер дует ей в ресницы,
Чтоб не закрыла их она.

И. А. Бунин

УЧАН-СУ

Свежее, слаще воздух горный.
Невнятный шум идет в лесу:
Поет веселый и проворный,
Со скал летящий Учан-Су!
Глядишь — и, точно застывая,
Но в то же время ропот свой,
Свой легкий бег не прерывая, —

Адам Мицкевич

АЛУШТА НОЧЬЮ

Свежеет ветерок, слабеет жар дневной;
Светильник дня упал на Чатырдаг высокий,
Разбился весь, разлил багряные потоки
И гаснет... Путник вверх глядит, смущен душой.

Чернеют склоны гор, полны долины мглой;
Лепечут родники как бы сквозь сон глубокий;
Весть сердцу подают цветов живые соки
Благоухающей мелодией немой.

Под сенью тишины и мрака засыпаю...
Вдруг будит блеск меня: от края и до края
Все небо золотой прорезал метеор.

О ночь восточная! Ты с одалиской схожа:
Твоими ласками я усыплен, и — что же?
Для новых будит ласк твой огнеметный взор.

Константин Бальмонт

Крымская картинка

Все сильнее горя,
Молодая заря

На цветы уронила росу.

Гул в лесу пробежал,
Горный лес задрожал,

Зашумел между скал водопад Учан-Су.

И горяч, и могуч
Вспыхнул солнечный луч

Протянулся, дрожит и целует росу,

Поцелуй его жгуч,

Он сверкает в лесу,

Там, где гул так певуч,

Он целует росу

А меж сосен шумит и журчит Учан-Су.

И. А. Бунин

Всё море — как жемчужное зеркало,
Сирень с отливом млечно-золотым.
В дожде закатном радуга сияла.
Теперь душист над саклей тонкий дым.
Вон чайка села в бухточке скалистой, —

Прозрачной пылью снеговой
Несется вниз струя живая,
Как тонкий флер, сквозит огнем,
Скользит со скал фатой венчальной
И вдруг, и пеной и дождем
Свергаясь в черный водоем,
Бушует влагою хрустальной...
А горы в синей вышине!
А южный бор и сосен шепот!
Под этот шум и влажный ропот
Стоишь, как в светлом полусне.

Константин Романов

В КРЫМ

Навстречу птицам перелетным
На дальний юг стремились мы
Из царства северной зимы
К весны пределам беззаботным.

Небес полдневных глубины
Чем дальше, тем ясней синели;
Алмазней звезды пламенели
Среди полночной тишины.

И все обильнее цветами,
Благоуханьем и теплом
Весна дарила с каждым днем,
Лаская нежными лучами.

Пустынных гор последний кряж
Нас отделял еще от цели;
Вдали ворота зачернели,
Все ближе, ближе... О, когда ж!

Мы трепетно переступали
Порог скалистый... Наконец!..
В нас сердце замерло... Творец!
Не сон ли это, не мечта ли?

У наших ног обрыв крутой,
А впереди — неизмеримый,
Безбрежный, необозримый,
Лазоревый простор морской.

Неописуемое море,
Лицом к лицу перед тобой
Пред этой дивной красотой
Не всякое ль забудешь горе!

Марина Цветаева

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли

Как поплавок. Взлетает иногда,
И видно, как струёю серебристой
Сбегают с лапок розовых вода.

У берегов в воде застыли скалы,
Под ними светит жидкий изумруд,
А там, вдали — и жемчуг, и опалы
По золотистым яхонтам текут.

Марина Цветаева

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

Я поднимаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.
Слева — крутая спина Аюдага,
Синяя бездна — окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.
Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба...
— Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба... —
Запах — из детства — какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.
Пушкин! — Ты знал бы по первому слову,
Кто у тебя на пути!
И не просил бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.
Не опираясь на смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,
Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
— Каждого встречного пса!
Полуулыбки в ответ на вопросы
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаше аллеи.
Марионеток и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,
Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие речи
Очаровательных губ.
Эти слова: никогда и навеки,
За колесом — колею...
Смуглые руки и синие реки,

Две тоненьких мои руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов.
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Максимилиан Волошин

КОКТЕБЕЛЬ

(Из цикла «Коктебельская весна»)

Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, —
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заклочена и преображена.

С тех пор, как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я — душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов,
Огнь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой —
И сих холмов однообразный строй,
И напряженный пафос Карадага.
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху — разбег, а мысли — меру дали.
Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

Саша Черный

Ах, зачем нет Чехова на свете!
Сколько вздорных — пеших и верхом,
С багажом готовых междометий

— Ах, — Мариулу твою! —

Треск барабана — мундир властелина —
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...
Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале... — Как я люблю...
Кончено... — Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.
Мы помолчали бы оба — не так ли? —
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.
И — потому что от худшей печали
Шаг — и не больше — к игре! —
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

Максимилиан Волошин

ДОМ ПОЭТА

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.

А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колочим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины.
Земля могил, молитв и медитаций —
Она у дома вырастила мне
Скупой посев айлантов и акаций
В ограде тамарисков. В глубине
За их листвою, разодранной ветрами,
Скалистых гор зубчатый окоем
Замкнул залив Алкеевым стихом,
Асимметрично-строгими строфами.
Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан,
И побережьям этих скудных стран
Великий пафос лирики завещан
С первоначальных дней, когда вулкан
Метал огонь из недр глубинных трещин
И дымный факел в небе потрясал.
Вон там — за профилем прибрежных скал,
Запечатлевшим некое подобье
(Мой лоб, мой нос, ошечье и подлобье), —
Как рухнувший готический собор,

<p>Осаждало в Ялте милый дом...</p> <p>День за днем толклись они, как крысы, Словно был он мировой боксер. Он шутил, смотрел на кипарисы И, прищурясь, слушал скучный вздор.</p> <p>Я б тайком пришел к нему иначе: Если б жил он, — горькие мечты! — Подошел бы я к решетке дачи Посмотреть на милые черты.</p> <p>А когда он тихими шагами Подошел случайно вдруг ко мне — Я б, склонясь, закрыл лицо руками И исчез в вечерней тишине.</p>	<p>Торчащий непокорными зубцами, Как сказочный базальтовый костер, Широко вздувший каменное пламя,</p> <p><i>Н. А. Заболоцкий</i> У МОРЯ</p> <p>Посмотри, как весною в Мисхоре, Где серебряный пенится вал, Непрерывно работает море, Разрушая окраины скал. Час настанет, и в сердце поэта, Разрушая последние сны, Вместо жизни останется эта Роковая работа волны.</p>
<p><i>Анна Ахматова</i> ***</p> <p>Вновь подарен мне дремотой Наш последний звездный рай Город чистых водометов, Золотой Бахчисарай.</p> <p>Там, за пестрою оградой, У задумчивой воды, Вспоминали мы с отрадой Царскосельские сады,</p> <p>И орла Екатерины Вдруг узнали — это тот! Он слетел на дно долины С пышных бронзовых ворот.</p> <p>Чтобы песнь прощальной боли Дольше в памяти жила, Осень смуглая в подоле Красных листьев принесла</p> <p>И посыпала ступени, Где прощалась я с тобой И откуда в царство тени Ты ушел, утешный мой.</p> <p><i>Петр Макуха</i> ТЕПЕ-КЕРМЕН</p> <p>Пирамиды Хеопса и Джосера! Вы опять в сравненьи с горой, Где венчается солнце раскосое С золотою осенней порой. Заклубится над синей вершиною Седина голубых облаков. Луч вечерний пещерной лучиною Мне укажет дорогу веков. По тропе, что смела и стремительна, Поднимусь над землей и собой. Дорог мне этот мир удивительный —</p>	<p><i>Линур Ибраимов</i> Я ЗДЕСЬ НЕ ГОСТЬ</p> <p>Как мне тебя воспеть, о, милый Крым! Твоих степей пьянящее дыханье Сравнимо с фимиамом дорогим, Назначенным богам для воздыханья. Ковыль при слабом взмахе ветерка, Как занавес трепещет изумрудный, И перелив скромнейшего цветка При этом кажется невиданным и чудным. Мне здесь знакома каждая тропинка И дорого все здесь до жгучих слез: Цветок и камень, птица и былинка, Звон родника и свет волшебных звезд. Я здесь — не гость, не путник преходящий. Я — плоть и кровь единственной земли, Где синь небес, прибой, лесные чащи Меня на белый свет произвели.</p> <p><i>Анна Ахматова</i> У САМОГО МОРЯ (отрывок из поэмы)</p> <p>Бухты изрезали низкий берег, Все паруса убежали в море, А я сушила соленую косу За версту от земли на плоском камне. Ко мне приплывала зеленая рыба, Ко мне прилетала белая чайка, А я была дерзкой, злой и веселой И вовсе не знала, что это — счастье. В песок зарывала желтое платье, Чтоб ветер не сдул, не унес бродяга, И уплывала далеко в море, На темных, теплых волнах лежала. Когда возвращалась, маяк с востока Уже сиял переменным светом, И мне монах у ворот Херсонеса Говорил: «Что ты бродишь ночью?» Знали соседи — я чую воду, И, если рыли новый колодец,</p>

<p>Кельи в камне, Пещерный собор. Дух молитвы, Стенанья невольничьи, Ханской стражи гортанная речь. Свист нагаек, Дыхание полночи. Лунный крест. Кровоточащий меч...</p> <p>На вершине любви и раскаянья (За иных говорить не берусь) Восходящему солнцу, как знамени, Поклонюсь.</p>	<p>Звали меня, чтоб нашла я место И люди напрасно не трудились. Я собирала французские пули, Как собирают грибы и чернику, И приносила домой в подоле Осколки ржавые бомб тяжелых. И говорила сестре сердито: «Когда я стану царицей, Выстрою шесть броненосцев И шесть канонерских лодок, Чтобы бухты мои охраняли До самого Фиолента». А вечером перед кроватью Молилась темной иконке, Чтоб град не побил черешен, Чтоб крупная рыба ловилась И чтобы хитрый бродяга Не заметил желтого платья..</p>
<p>Владимир Маяковский ЕВПАТОРИЯ Чуть вздыхает волна, и, вторя ей, ветерок над Евпаторией. Ветерки эти самые рыскают, глядят щеку евпаторийскую. Ляжем пляжем в песочке рыться мы бронзовыми евпаторийцами. Скрип уключин, всплески и крики — развлекаются евпаторийки. В дым черны, в тюбетейках ярких караимы — евпаторьяки. И, сравнясь, загорают рьяней москвичи — евпаторьяне. Всюду розы на ножках тонких. Радуются евпаторёнки. Все болезни выжмут горячие грязи евпаторьячи.</p>	<p>Илья Сельвинский *** Бывают края, что недвижны веками, Зарывшись во мглу да мох. Но есть и такие, где каждый камень Гудит голосами эпох, Где и версты по горам не проехать, Не обогнуть мыс, Чтоб скальная надпись и древнее эхо Не пробуждали мысль, Чтобы, пройдя сквозь туманы столетий Яснее дня становясь, Вдруг величайшая тайна на свете Не окликала вас. Мешались обычаи, боги, жены, Народ вливался в народ. Где победивший, где побежденный — Никто уж не разберет. Копнешь язык — и услышишь нередко Отзвуки чуждых фраз, Семью копнешь — и увидишь предка Непостижимых рас. Здесь уж не только летопись Крыма — Тут его вся душа. Узнай в полукруглых бровях караима Половца из Сиваша, Найди в рыжеватом крымском еврее Гота, истлевшего тут, — И вникнешь в то, что всего мудрее Изменчивостью зовут. Она говорит языком столетий, Что жизнь не терпит границ, Что расам вокруг своего наследия Изгородь не сохранить. Что даже за спесью своей броненосной Не обособлен народ, А судьбы народов не в лепке носа,</p>

Давно истлевших городов,
Несли расправу колесницы
В стан возмутившихся рабов.

Я тоже был тогда на фронте.
Поньше чувствую вину.
В полуденном Эвксинском Понте
Сторожевик толкнул волну...

Она пошла на пляж в атаку,
Неся с собой прибрежный сор.
Я там лежал, как ржавый якорь,
Когда-то выброшенный в шторм.

Светлана Ягунова

Одиннадцать месяцев город кольцом
Сжимали, сжигали огнем и свинцом.
Мой юный прапрадед в сражении том
Отмечен Георгиевским крестом.
И вот он лежит на ладони моей
Свидетелем грозных и памятных дней:
Серебряный воинский крест
православный—
Связной между мной и прапрадедом
славным.

В. А. Рождественский

ГОРОД У МОРЯ

На закате мы вышли к стене Карантина,
Где оранжевый холм обнажен и высок,
Где звенит под ногой благородная глина
И горячей полынью горчит ветерок.

Легкой тростью слегка отогнув
подорожник,
Отшвырнув черепицу и ржавую кость,
В тонких пальцах сломал светлоглазый
художник
Скорлупу из Милета, сухую насквозь.

И седого наследства хозяин
счастливый,
Показал мне, кремнистый овраг
обходя,
Золотую эмаль оттоманской поливы,
Генуэзский кирпич и обломок гвоздя.

Но не только разбойников древних монеты
Сохранила веков огненосная сушь, —
Есть музей небольшой, южным солнцем
согретый
И осыпанный листьями розовых груш.

Здесь, покуда у двери привратник
сердитый
Разбирал принесенные дочкой ключи,

на шипучий в терниях песок.
До святого головокруженья
нас порой доводят эти сны, —
Боже мой Любви и Воскрешенья,
Боже Света, Боже Тишины!
Как Тебя люблю я в Коктебеле,
как легко дышать моей любви, —
Боже мой, таимый с колыбели,
на земле покинутый людьми!
Но земля кончается у моря,
и на ней, ликуя и любя,
глуби вод и выси неба вторя,
бесконечно верую в Тебя.

Николай Заболоцкий

ГУРЗУФ

В большом полукружии горных пород,
Где, темные ноги разув,
В лазурную чашу сияющих вод
Спускается сонный Гурзуф,
Где скалы, вступая в зеркальный затон
Стоят по колено в воде,
Где море поет, подперев небосклон,
И зеркалом служит звезде, —
Лишь здесь я познал превосходство морей
Над нашею тесной землей,
Услышал медлительный ход кораблей
И отзвук равнины морской.
Есть таинство отзвуков. Может быть, нас
Затем и волнует оно,
Что каждое сердце предчувствует час,
Когда оно канет на дно.
О, что бы я только не отдал взамен
За то, чтобы даль донесла
И стон Персефоны, и пень сирен,
И звон боевого весла!

Анатолий Жигулин

Иссохшая долина,
И между трех дорог —
Корявая маслина,
Сухой шершавый лох.

Под одиноким лохом,
Где солнце и полынь,
С чуть затаенным вздохом
Из памяти — нахлынь!

Нахлынь, все то, что было
И что свежо теперь,
И что душа забыла
За давностью потерь...

Друзей ушедших лица
Я в сердце берегу.
Но с ними поделиться

Я смотрел, как ломались о дряхлые плиты
В виноградном навесе косые лучи.

Старый вяз простирал над стеною объятья,
Розовеющий запад был свеж и высок,
И у девочки в желтом разорванном платье
Тихо полз по плечу золотистый жучок...

Здесь, над этой холмистою русской
землею,
Побывавшей у многих владычеств в плену,
Все неизбежно мирной полно тишиною,
И волна, набегая, торопит волну.

Где далекие греки, османы и Сфорца,
Где Боспорские царства и свастики крест!
Дышит юной отвагой лицо черноморца —
Скромный памятник этих прославленных
мест.

На холме, средь полыни и дикой ромашки
Вылит в бронзе, стоит он, зажав автомат
И на грудь в обожженной боями тельняшке
Вечным отсветом славы ложится закат.

М. А. Волошин
МОЛИТВА О ГОРОДЕ

И скуден, и неукрашен
Мой древний град
В венце Генуэзских башен,
В тени аркад;
Среди иссякших фонтанов,
Хранящих герб
То дождей, то крымских ханов:
Звезд и серп;
Под сенью тощих акаций
И тополей,
Средь пыльных галлюцинаций
Седых камней,
В стенах церквей и мечетей
Давно храня
Глухой перегар столетий
И вкус огня,
А в складках холмов охранных
Великий сон:
Могильники безымянных
Степных племен
А дальше — зыбь горизонта
И пенный вал
Негостеприимного Понта
У желтых скал.
Воины, мятежей, свободы
Дул ураган;
В сраженьях гибли народы
Далеких стран,
Шатался и пал великий
Имперский столп;
Росли, приближались крики
Взметенных толп;
Суда бороздили воды

Ничем уж не могу.

Стою один в долине
На стыке трех дорог —
Как дерево пустыни,
Как одинокий лох.

О. Э. Манделштам
ФЕОДОСИЯ

Окружена высокими холмами,
Овечьим стадом ты с гор сбегаешь
И розовыми, белыми камнями
В сухом прозрачном воздухе сверкаешь.

Качаются разбойничьи фелюги,
Горят в порту турецких флагов маки,
Тростинки мачт, хрусталь волны упругий
И на канатах лодочки-гомаки.

На все лады, оплаканное всеми,
Сутра до ночи "яблочко" поется
Уносит ветер золотое семя, —
Оно пропало, больше не вернется.

А в переулочках, чуть свечерело,
Пиликают, согнувшись музыканты,
По двое и по трое неумело,
Невероятные свои варьянты.

О, горбоносых странников фигурки!
О, средиземный радостный зверинец!
Расхаживают в полотенцах турки,
Как петухи, у маленьких гостиниц.

Везут собак в тюрьмеподобной фуре,
Сухая пыль по улице несется
И хладнокровен средь базарных фурий
Монументальный повар с броненосца.

Идем туда, где разные науки
И ремесло — шашлык и чебуреки,
Где вывеска, изображая брюки,
Дает понятие нам о человеке.

Мужской сюртук — без головы
стремление,
Цирюльника летающая скрипка
И месмерический утюг — явление
Небесных прачек — тяжести улыбка.

Здесь девушки стареющие, в челках,
Обдумывают странные наряды,
И адмиралы в твердых треуголках
Припоминают сон Шехерезады.

Прозрачна даль. Немного винограда.
И неизменно дует ветер свежий.
Недалеко до Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.

<p>И борт о борт Заржавленные пароходы Врывались в порт; На берег сбегали люди, Был слышен треск Винтовка и гул орудий, И крик, и плеск, Выламывали ворота, Вели сквозь строй, Расстреливая кого-то Перед зарей. Блуждая по перекресткам Я жил и гас В бездумье и блеске жестком Враждебных глаз. Их горечь, их злость, их муку, Их гнев, их страсть, И каждый курок и руку Хотел закласть, Мои город, залитый кровью Внезапных битв, Покрыть своей любовью, Кольцом молитв, Собрать тоску и огонь их И вознести На распростертых ладонях: Пойми ... прости!</p>	
<p>Василий Федоров ВОЗВРАЩЕНИЕ Скрипят нагруженные снасти, В корму волна сердито бьет ... Купец Никитин Афанасии Из дальней Индии плывет. Вокруг кипит морская пена Почти утратив русский вид Тверич в халате бесирмена На горы крымские глядит. Там где-то Русь, Там Волги плесы, там Тверь! Сродни морской воде Соленые скупые слезы Сбегают к русой бороде. От слез и солнца Море в блеске, Дрожит в тумане горный кряж, И стены Кафы генуэзской Еще похожи на мираж... За ним — три моря переплывтых, Чужие земли, города, Базары, женок непокрытых Коричневая нагота. За ним — тропические ливни И зной, и бред тревожных снов. Над всеми — золотые бивни Султанских ряженных слонов. За ним — чужих народов битвы,</p>	<p>В. А. Луговской В ГАЛЕРЕЕ АЙВАЗОВСКОГО Валы, валы, валы... Девятый вал. Громады утесов. Полный штить. Высокая лазурь. Закаты яростные, пламень канонады. Разгром эскадр. Волна минувших бурь. Жил мальчик, рисовал на белых стенах: Шторм, море, корабли, ребячий солнца круг. А море Черное швыряло свет и тени, И пахнул феодосийский юг. Валы, валы, валы, валов круговороты. Гряда грозových туч. Суровых зим прибой. Заря, раскрывшая пурпурные ворота, Пучина черная и Наваринский бой. Бой, буря, шторм, безумная стихия, Грозаящая пловцам всегда, из века в век. И перед нею на скорлупке хилой В борьбе, в победе, в смерти — человек. Вот он вцепился в мачту, в корабля обломки. Над ним смертельный вал, литая тяжесть вод. Она стоит, застыла на последней кромке, Он гибнет, борется и все-таки плывет. Валы, валы, валы, потом забвенье... Синий, кобальтовый простор. Над морем тишина.</p>

И он от родины отвык.
Магометанская молитва
Упрямо лезет на язык.
Волнуясь, шепчет пилигрим:
"Аллах рагим... Аллах керим..."
Но вот, нога земли коснулась
И словно к берегу прибой,
Речь русская к нему вернулась
И полилась сама собой:
"Я, Афанасий, раб твой божий,
Плетусь в родимые поля,
Везде, где был я, нет пригожей
Земли, чем русская земля.
Весной в цветах, зимой седая,
То в злате вся, то вся темна
Вся грешная и вся святая
Лесная, горная, степная, озерная, —
На всех — одна.
Не жемчуг — весть о жизни схожей
Принес я из-за трех морей.
Бояре наши и вельможи
Вельмож индийских не добрей.
Храни ее.
Чтоб укрепилась
Стояла б до исхода дней
Храни ее...
И справедливость
Да установится на ней!".

Любовь Знаковская

ТАРПАНЫ

Когда вершины Крымских гор
Скрывали травы и тюльпаны,
Взметая гривы, на простор
Врывались лошади — тарпаны.
Ещё не ведая подков,
В траве по брюхо утопая,
Табун игривых скакунов
Почти взлетал, как птичья стая.
А травы те же: лебеда,
Ромашка, подорожник, мята.
Тропинок нет. Но иногда
Копытами трава примята.
Там, где нависшая скала
Хранит в тени ручей студень,
Вдруг обрывается яйла
Прохладой влаги полуденной.
И здесь, над гиблой крутизной,
Тарпаны ветром полнят груди:
Каурый, серый, вороной —
Они общаются, как люди.
Никто их бег не наблюдал,
И лишь один на белом свете
Тарпанов диких оседлал
Наездник разудалый — ветер...

Раздуты ветром горы снежной парусины.
Но тишина? Как призрачна и коротка она!

Жил мальчик, вырос, стал всесветно
знаменитым,
Оставил все, как подобает мастерам,
И славу звонкую, достигшую зенита,
Принес сюда, домой, к пустынным берегам.
И море черное неслось в ночах и зорях.
И Севастополь слал к нему на юбилей,
Чтобы отдать салют певцу родного моря, —
Корнилова с эскадрой кораблей.

Валы, валы, валы,

смерчи и ураганы.

Пронизанная солнцем глубь волны.
Весенний тихий бриз. Осенние туманы.
Былых сражений дым. Печальный свет луны.
Людская воля, гибнувшая гордо
Среди безвестных волн, у ног угрюмых скал.
За три часа до смерти кистью твердой
"Взрыв корабля" художник написал.
И смерть его была не будничною смертью
Она пришла за ним, как парус корабля.
На море штиль. Весна. Крылами чайка
чертит
Он в море Черное плывет.

Прощай, земля!

Юлия Друнина

СТАРЫЙ КРЫМ

Куры, яблони, белые хаты —
Старый Крым на деревню похож.
Неужели он звался Солхатом
И ввергал неприятеля в дрожь?

Современнику кажется странным,
Что когда-то, в былые года,
Здесь бесчетные шли караваны,
Золотая гуляла Орда.

Воспевали тот город поэты,
И с Багдадом соперничал он.
Где же храмы, дворцы, минареты? —
Погрузились в истории сон...

Куры, вишни, славянские лица,
Скромность белых украинских хат.
Где ж ты, ханов надменных столица —
Неприступный и пышный Солхат?

Где ты, где ты? — ответа не слышу.
За веками проходят века.
Так над степью и над Агармышем
Равнодушно плывут облака.

Леонид Вышеславский

СИВАШ

Николай Ушаков

КЕРЧЬ

На горе высокой Митридата
Обелиск и пушки с трех сторон.
В честь бойца — матроса и солдата —
памятник над морем вознесен.

Затонувший пароход на рейде,
Зданий в брызгах взрывов строгий вид, —
город, знавший множество трагедий,
нам о бдительности говорит.

И упорством дышат улиц трассы,
а на берегу, не на воде,
свежевыкрашенные баркасы
говорят о мире и труде.

Ольга Тимохина

ОБЛАКА НА АЙ-ПЕТРИ

Я никогда так не была близка
К вам, странники седые облака.
Ай-Петри ждал меня и вот сейчас
Я на вершине обнимаю вас
И щекочу бока вам, облака.
Спускается молочная река
Медлительно с темнеющих небес,
С короны старца на уснувший лес,
Чтоб к матери-земле на миг прильнуть
И вновь умчаться в бесконечный путь,
Оставив каменного старика
Ай-Петри со слезами на щеках.

Валерий Субботенко

КРЫМ

Отчизны краешек особенный,
Долины, горы, хлеб и соль...
Для всех ты — Крым,
А мне ты — Родина,
Мой дом, судьба моя и боль.
Нет, не красотами природными.
Впервые мир открыл ты мне,
А детством, пусть полуголодным,
Но тем и памятным вдвойне;
Нелегкой юности судьбою,
Тем, что друзья есть и враги,
И самой первою любовью,
Вдруг обратившейся в стихи.
Всем этим я тебе обязан,
Мой молодой и древний Крым,
Пожизненно, посмертно связан
Я каждым камушком твоим.
Где б ни был я — далёко, близко ли,
Повсюду снится берег твой,
Поросший густо обелисками
Войны последней мировой.

Мы бредем и бредем в небесах по колено.
Синева. Не видать и следа облаков.
Только солнце соленое солончаков
и дневная луна, как застывшая пена.
Как луну называли когда-то? Селена?
Человек из криницы красивейших слов
подобрал имена для далеких миров
и, как небо с водой, обнялся со Вселенной.
В знойном мареве голос теряется наш,
от сверкающей соли сивеет Сиваш
(море названо как бы космическим словом),
и во всю мелководного моря длину
тащит солнце свой огненный невод по дну,
отягченный землей, как богатым уловом.

Поликсена Соловьева

ПОГАСШИЙ ВУЛКАН

Для взоров любящих так дорого-знакомых
Твоих морщин причудливых изломы,
Чудовищ каменных навек застывший шаг,
Всех вековых загадок разрешенье
Почиет здесь, в твоём оцепененье
Суровой древностью венчаный Карадаг,
Шестикрылатые прильнули серафимы
К твоим скалам и, посвященным зрими,
Оставили узор и взлет бесчисленных крыл.
Лишь мудрая душа, с молитвенною дрожью
В прозренья тихий час склоняясь к их
подножью,
Проявит жизни сон и явь твоих могил.

Л. Н. Мартынов

ВЗРЫВ

Мне, по существу, у Айвазовского
Нравится одна картина — "Взрыв".
За день до кончины Айвазовского
Начата, — на утро не был жив.

Он ее бы заливал, наверное,
Если бы не умер. И она,
Думаю, что мне бы не понравилась,
Если бы была завершена.

Но, незавершенная, завещана
Мне она и будущим векам.
Это будто яростная трещина —
Так вот извергается вулкан.

Это не корабль, а мироздание
Рушится на жестком полотне
И незавершенное создание:
«Берегись!» — напоминает мне.

Руки, дрогнув, кисть к чертям отбросили.
Озарила мглу глубокой осени
Бездна взрыва, бледное пятно.
...Съездите однажды в Феодосию

И по тебе тоскую остро,
Спешу туда, где впереди
Сияет Крымский полуостров
Звездой у моря на груди.

М. А. Дудин

Сквозь солнце — ливень. На дороге
Прибита каменная пыль.
Лиловых голых гор отроги.
Полынный воздух влажен. Штиль.

А мне все слышится смолистый
Тротила горький перегар
...Морской десант идет на приступ
К феодосийским берегам.

Сплошной огонь гудит по склону
Над взморьем чайки не парят
Пять суток держит оборону
Прижатый к берегу отряд.

Матрос последний к автомату
Последний вкладывает диск.
...Лишь время начертало дату
На безымянный обелиск.

Ю. В. Друнина

ЯЛТА ЧЕХОВА

Брожу по набережной снова.
Грустит на рейде теплоход.
И прелесть улочек портовых
Вновь за душу меня берет.

Прохладно, солнечно и тихо.
Ай-Петри в скудном серебре.
...Нет, не курортною франтихой
Бывает Ялта в январе.

Она совсем не та, что летом, —
Скромна, приветлива, проста.
И сердце мне сжимает эта
Застенчивая красота.

И вижу я все чаще-чаще,
В музейный забредая сад,
Бородку клином, плащ летящий,
Из-под пенсне усталый взгляд...

Посмотреть на это плотно.

Всеволод Рождественский

NATURE MORTE

Фаянсовых небес неуловимый скат,
Кольцо лиловых гор и золото пустыни,
На синей скатерти шафранный ломтик дыни
Прозрачен и душист, как вянущий закат.
В окне — горячий день, волны глухой
каданс,
Литая бронза груш, где осень не иссякла,
Залив, натянутый, как крепкий лук Геракла,
На кресле — плед, очки, тетрадь, "Metsire de
France"
Налево — полка книг: народы и века,
На гладком ватмане разбрызганная призма.
И, словно лебеди эпохи символизма,
В наклонном зеркале лепные облака.
Я пью из чаши гор полуденный отстой,
Я тихо взор веду вдоль тающих окраин,
А рядом сих пустынь апостол и хозяин
Склонился к пороку седую головой.
Повязкой эллинской охвачен львиный лоб.
Но в буйной седине — вся сила Запорожья,
Все ветры Скифии, вся молодость Стрибожья
—

Не Пан, не Гезиод — мятежный протопоп.
Из русской совести, отстоянной, как хмель,
Из знойного песка в полынном кругозоре,
Из скифских пажитей и эллинского моря
Он изваял страну и назвал. Коктебель.

Максимилиан Волошин

**ИЗ ЦИКЛА «КИММЕРИЙСКИЕ
СУМЕРКИ»**

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых
гребней.
Обрывы черные, потоки красных щебней —
Пределы скорбные незнаемой страны.
Я вижу грустные, торжественные сны —
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гексаметры волны.
И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственною дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.
Путем назначенным дерзання и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампы Семизвездья.

Константин Паустовский

ЧЕРНОЕ МОРЕ

(фрагменты из повести)

Я думал о древности этого края. Известняк под ногами казался спрессованным прахом многих поколений. Все смешалось в здешней почве — и черепа гуннов, и римские надгробья, и французские ядра, и кости расстрелянных матросов «Потемкина», и заржавленные врангелевские штыки. Я вспомнил слова Палласа, что «окрестности Севастополя представляют поистине землю классическую».

Одиссей проходил по этим берегам. Печальная Ифигения, дочь Агамемнона, томилась здесь тоской по Элладе — девушка, воспетая в величавых стихах Еврипида.

Мифы, что теряются в человеческой памяти, подобно парусам в ночных просторах моря, казались волнующими и новыми, как только что прочитанная книга.

Здесь я особенно ясно понял простоту древней поэзии. Я понял волнение наших предков — участников французской революции, волнение Байрона и Гете, Пушкина и Гнедича, пытавшихся воскресить в стихах блестящий век Эллады и ее «божественную речь».

Я с корабля сошел при блеске ночи,

При ропоте таинственных валов...

Горела грудь, в слезах кипели очи:

Я чувствовал присутствие богов...

...Впервые я увидел из морской дали весь Крым, весь торжественный разворот его берегов от мыса Фиолента до Кара-Дага.

Впервые я понял, как прекрасна эта земля, омытая одним из самых праздничных морей земного шара. И, может быть, то чувство, которое испытали в это утро и я, и мои спутники, глядя на выступавшие из шумящих волн берега, было сродни ощущению людей, впервые открывших новые страны. Так, очевидно, представляли себе обетованную землю наши пращурь.

Мы подходили к берегам, расцвеченным сухими и резкими красками крымской земли. Уже пылали ржавчиной виноградники, уже видны были покрытые снегом вершины Чатыр-Дага и Ай-Петри, и над ними, как дым, струились к зениту и таяли облака.

А море несло к подножию каменных мысов розоватую утреннюю пену и шумело сонно и заунывно — так же, как сотни и тысячи лет назад.

Есть уголки нашей земли настолько прекрасные, что каждое посещение их вызывает ощущение счастья, жизненной полноты, настраивает все наше существо на необыкновенно простое и плодотворное лирическое звучание.

Таков Крым. Поэтому он стал, как говорили в старину, «источником вдохновения» для многих писателей и поэтов, художников и музыкантов.

Прелесть крымской земли раскрывается для иных медлительно, исподволь, но завладевает надолго, навсегда. И каждый, кто побывал в Крыму, уносит с собой после расставания с ним сожаление и легкую печаль, какую вызывают воспоминания о детстве, и надежду еще раз увидеть эту «полуденную землю».

Крым оставил глубокий след в нашем искусстве. Достаточно вспомнить имена Пушкина, Мицкевича, Чехова, Горького, Толстого, Сергеева-Ценского, Вересаева, Куприна, Грина, Волошина, Малышкина, художников — Богаевского, Кончаловского, Дейнеки. Этот список людей, полюбивших Крым и обязанных ему многими откровениями в своем творчестве и многими радостями, можно длить без конца, так же, как и список вещей, написанных о Крыме.

Что такое вдохновение? Это полнота сил, располагающая к наилучшему восприятию впечатлений и передаче их другим. Таково, в общих чертах, пушкинское определение. Эту полноту сил, это вдохновение Крым дарит нам щедро во всем — не только в широких пейзажах, покрытых солнечной желтой дымкой, но и в каждой даже незначительной вещи — в цветке миндаля, в стрельчатом освещении сосновых лесов, в куске разбитой черепицы, в колючем ржавом дубняке, в запахе водорослей, намытых прибоем. Во всем — в весенних туманах и прогретой солнцем каменистой земле, в самом воздухе этого чудесного уголка нашей страны.

К. М. Станюкович
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ МАЛЬЧИК

(отрывок из повести)

Маркушка побежал по улицам Севастополя, мимо домов, пронизанных ядрами, с заколоченными окнами. Чем дальше шел Маркушка, тем более было пустых, разрушенных домов и развалин.

Улицы были пусты. Только, прижимаясь к стенам, проходили солдаты. Часто встречались носилки с ранеными. Изредка пробирались бабы, направляясь на бастионы к мужьям. Палисадники зеленели, и акации расцветали. Природа радовалась, ликовала весна. Но люди были сосредоточенней и сердитей по мере приближения к оборонительной линии.

Вот и театр в развалинах и за ним прежний бульвар со свежей зеленью немногих оставшихся деревьев. Зеленели уцелевшие кустарники, поднималась роскошная трава.

Здесь же, как пчелки, повизгивали тысячи пуль и шлепались на землю. Свистели ядра и разрывались бомбы. Никого не было видно. Все, шедшие на бастионы, шли траншейками, вившимися зигзагами вокруг. Но Маркушка не знал или забыл их и летел, как стрела, напрямик по "Грибку", испуганный и в то же время обрадованный, что бежит на четвертый бастион.

Маркушка, казалось, и не понимал, какой опасности подвергнулся он, и в возбужденной голове его проносились мысли и о том, как он "победит" француза, и о том, что он совершит какой-нибудь подвиг и ему дадут георгиевский крест, И он вдруг замирал от страха и прилегал на землю, жмуря глаза и повторяя "Отче наш", единственную молитву, которую знал, когда бомба вертелась, шипя горевшей трубкой почти рядом с ним.

И снова вскакивал и летел и, наконец, запыхавшийся прибежал на четвертый бастион. Там стоял рев от выстрелов, и все было застлано дымом. То и дело откатывались и заряжались орудия. На бастион сыпались ядра и пули. Молча стояли у орудий матросы. Раздавались стоны раненых. И их куда-то уносили.

Маркушка решительно не мог сообразить положение бастиона. Он только видел изрытую землю, осыпавшиеся брустверы и почерневших от дыма людей, наполнявших площадку за насыпью.

Никто не обратил внимания на Маркушку. В это самое время четвертый бастион с особенной силой отбивался от новой французской батареи.

На людях Маркушка забыл страх. Он точно опьянел. Точно какая-то волна прилила к сердцу, и он бросился к сложенным пирамидкой ядрам и стал подавать их зарядчику. Вдруг около орудия упала бомба. Все прилегли. Маркушка внезапно вырвал горевшую трубку, бросил ее за банкет и побежал к орудью, у которого подавал снаряды.

— Ай да мальчишка!

— Молодца!

— И ничего не боится...

— И вовсе маленький!

Эти восклицания матросов не заставили Маркушку возгордиться собой. Он был слишком возбужден воинственным настроением, полным чего-то злого и жестокого, напоминающего зверька, озлобленного на охотника, и, разумеется, и не думал, что совершил подвиг, рискуя жизнью.